A 218/537

А 218
537

М. Бережковъ.

КРЫМСКІЯ
ШЕРТНЫЯ ГРАМОТЫ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1894.

Печатано по постановленію Совѣта Общества Нестора лѣтописца.
(Оттискъ изъ VIII-й книги „Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣт.“).

2007110119

Крымскія шертныя грамоты.

I.

Въ исторіи отношеній Россіи къ татарскому міру замѣтно различаются два періода: въ первое время Русь находится въ зависисти предъ Золотою Ордой, при трудныхъ условіяхъ собирается съ силами для государственнаго объединенія и для сверженія чужой власти; во второмъ періодѣ Россія, собравшись и освободясь отъ этой чужой власти, тотчасъ же стремится подчинить своему вліянію степной міръ татарскій, или по крайней мѣрѣ сдѣлать наименѣе вреднымъ для себя сосѣдство его, хищныя стремленія.

Государствованіе Іоанна III Васильевича составляетъ границу этихъ двухъ періодовъ историческихъ.

Соотвѣтственно двумъ періодамъ татарскихъ отношеній—зависимыхъ и подчиняющихъ—имѣемъ двоякаго рода источники историческіе. Для перваго наиболѣе важны лѣтописи и сказанія, обильныя числомъ, богатыя содержаніемъ, говорящія трогательно, хотя не безъ преувеличенія о бѣдствіяхъ земли, объ униженіи князей; для второго періода весьма важны посольскія книги и документы, въ коихъ дѣловито и высокимъ тономъ изображается успѣхъ русской дипломатіи въ отношеніи степнаго мира, достигаемый, правда, не безъ колебаній и временныхъ неудачъ, но въ цѣломъ вообще несомнѣнный успѣхъ, всё больше возрастающій. Не меньше интересными и прямо характерными для перваго періода являются жалованные ханскіе *ярлыки*, а для втораго—*шерти*, или *шертныя грамоты*, т. е., присяжныя грамоты татарскихъ хановъ на вѣрную службу или же на соблюденіе извѣстныхъ обязательствъ предъ московскими государями.

Разница весьма значительная: въ первое время ханы жалуютъ ярлыки русскимъ князьямъ и духовенству; въ послѣдующее время они сами, по требованію русскихъ государей, даютъ имъ присяжныя грамоты на службу! Вотъ почему ярлыки и шерти—повторяемъ—въ особенности характеризуютъ два періода отношеній русскихъ къ татарамъ, сразу отличая одинъ періодъ отъ другого.

Есть ещё разница между ярлыками и шертями въ отношеніи внѣшней судьбы ихъ. Ярлыки временъ Золотой Орды сохранились въ небольшомъ количествѣ,—всего семь ярлыковъ, жалованныхъ ханами русскимъ митрополитамъ, но ни одного ярлыка, жалованнаго русскимъ князьямъ: можетъ быть ихъ берегли не такъ тщательно; можетъ быть они непріятно напоминали время постыдной зависимости предъ Золотою Ордой; вѣрно то, что со временемъ жалованные князьямъ ханскіе ярлыки такъ изветшали по языку и письму, что въ Посольскомъ Приказѣ XVI-го вѣка не могли уже читать ихъ; такъ въ описи царскаго архива времени Іоанна Грознаго отмѣчено: „ящикъ 148-й, а въ немъ дефтери старые отъ Батыя и отъ иныхъ царей, переводу имъ нѣтъ, никто перевести не умѣетъ“ [1]). Иное дѣло шертныя грамоты: памятники болѣе новаго происхожденія, онѣ сохранились гораздо въ большемъ количествѣ; ихъ больше и сберегали ради практической ихъ надобности.

Шертныя грамоты были взимаемы отъ царей крымскихъ и астраханскихъ, отъ казанскихъ царей и касимовскихъ, отъ ногайскихъ князей и мурзъ, отъ калмыцкихъ тайшей, отъ сибирскихъ владѣтелей, причемъ сила шерти распространялась на всѣхъ жителей извѣст-

---

[1]) I. Акты Археограф. Эксп., I, стр. 345. Ср. тамъ же отмѣтки о содержаніи ящиковъ № № 50 и 171. О судьбѣ древнихъ документовъ, хранившихся въ казнѣ московскихъ государей, интересно слѣдующее мѣсто въ договорной записи князя Дмитрія Юрьевича Шемяки съ другими удѣльными князьями: „а что есмя поимали во князи великаго казнѣ грамоты доконча́льные, и ярлыки, и дефтери, и иные какіе грамоты, и намъ тѣ грамоты всѣ отдати, по цѣлованію“. (Собр. Гос. Гр. и Догов., I, стр. 150. Ср. стр. 148, гдѣ такое же обязательство князя можайскаго Ивана Андреевича). Всѣ ли грамоты, захваченныя удѣльными князьями, воротились въ казну великокняжескую, неизвѣстно; большая часть, конечно, воротилась.

Объ ярлыкахъ имѣется прекрасная монографія В. Григорьева: „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами золотой Орды русскому духовенству“, Истор. филологич. изслѣдованіе, Москва 1842.—Очень желательна такая же историко-филологическая монографія о шертяхъ кого-нибудь изъ ученыхъ нашихъ оріенталистовъ.

наго царства или земли [1]). Наиболѣе многочисленны и типичны суть крымскія шертныя грамоты: за время XV—XVII вѣковъ ихъ сохранилось въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. значительное количество какъ въ подлинникахъ татарскихъ, такъ и въ русскихъ переводахъ и спискахъ, частію вставленныхъ въ посольскія книги, частію хранимыхъ въ видѣ отдѣльныхъ документовъ и копій, расположенныхъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, описанныхъ въ особыхъ реестрахъ архивныхъ. Такъ какъ подлинныя татарскія грамоты были писаны въ Крыму обыкновенно по русскому образцовому списку, присланному изъ Московскаго Посольскаго Приказа, такъ что для ханской канцеляріи оставалось только перевести по-татарски этотъ русскій списокъ, прибавя заглавные титулы да заключительныя формулы и скрѣпя документы печатью, то русскія и татарскія грамоты оказываются весьма сходными по содержанію и по слогу; переводчики и толмачи Посольскаго Приказа очень хорошо усвоили разъ навсегда стиль шертныхъ грамотъ, писавшихся почти въ одной и той же формѣ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такимъ образомъ русскія грамоты по содержанію и по значенію не уступаютъ татарскимъ подлинникамъ; онѣ даже преимуществуютъ предъ ними, ибо крымскія шерти были простымъ переводомъ съ русскихъ образцовыхъ записей. Къ сожалѣнію, подлинныя крымскія шерти, печатно изданныя Академіей Наукъ, доступны для пользованія только небольшему кружку оріенталистовъ; пусть онѣ по содержанію очень близки къ русскимъ спискамъ и переводамъ, но найдутся, конечно, въ тѣхъ и другихъ важные оттѣнки различія, что касается, напримѣръ, понятія денежной дачи, посылавшейся изъ Москвы въ Крымъ: было бы поэтому важно сравнить татарскіе и русскіе тексты старыхъ переводовъ приказныхъ, а подлинный татарскій текстъ перевести вновь современнымъ русскимъ языкомъ. Относительно русскихъ шертныхъ грамотъ можно пожелать, чтобы онѣ

[1]) Въ упомянутой описи царскаго архива XVI в. называются шертныя грамоты разныхъ татарскихъ владѣтелей, а именно, крымскія, казанскія, какъ это видно по отмѣткамъ про ящики Архива подъ №№ 12—16; 33; 52; 58; 88—89; 101; 105; 135; 153; 201; 203; 217. Въ ящикѣ подъ № 187 называется еще шертный списокъ какого-то Тенехмата князя. (Ак. Археогр. Эксп., I, № 189).

Образцы шертныхъ грамотъ въ Собр. Гос. Гр. и Догов., ч. II, №№ 26; 27; 45 (запись сибирскаго царя Кучюма); 265; ч. III, №№ 145 и 181; ч. IV, №№ 21; 184 и 197. О крымскихъ собственно шертяхъ смотр. слѣдующее примѣчаніе.

болѣе тщательно и сполна въ одномъ сборникѣ были изданы вновь; впрочемъ, до времени можно довольствоваться и существующими изданіями крымскихъ шертныхъ грамотъ на русскомъ языкѣ и записей шертныхъ XV—XVII вѣковъ [1]).

Каково же было значеніе крымскихъ шертныхъ грамотъ, писанныхъ подъ диктовку Московскаго Посольскаго Приказа? Что требовалось ими отъ Крыма, и что достигалось?

Слово „шерть“ производятъ отъ арабскаго „*шэртъ*“, означающаго „условіе, договоръ“, потомъ въ татарское время принявшаго у насъ значеніе „клятвы, присяги“ [2]). По-русски „шерть“ замѣнялось словами, „правда, рота“, „крѣпостная, ротная грамота“, либо оставалось вовсе безъ перевода, какъ достаточно извѣстное по смыслу слово, какъ понятіе опредѣленнаго содержанія, не то что, напримѣръ, „ярлыкъ“, получившее у насъ широкій неопредѣленный смыслъ всякой вообще грамоты, всякаго письма отъ татаръ, или къ татарамъ [3]). Въ этомъ широкомъ смыслѣ слово „ярлыкъ“ употреблялось, въ переходную пору татарскихъ отношеній, въ концѣ XV-го вѣка, и вмѣсто „шерти“, либо съ прибавкой: „докончальный ярлыкъ, шертный ярлыкъ“. Такъ въ наказѣ послу Никитѣ Беклемишеву, ѣхавшему въ Крымъ къ царю Менгли-Гирею, говорилось: „просити ярлыка докончальнаго по списку... А большое бы царь пожаловалъ—шерть далъ на томъ ярлыкѣ великому князю... Малогодь царь роты не дастъ, а ярлыкъ дастъ, ино Микитѣ ярлыкъ взяти и безъ роты“.

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, извлеченные по распоряженію И. Академіи Наукъ изъ Моск. Глав. Архива М. И. Д. Издалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, дѣйств. членъ И. Ак. Наукъ. СПБ. 1864.—Собр. Гос. Гр. и Догов., ч. V, №№ 1; 4; 55; 86; 101; 107.—Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи, томъ I, №№ 140; 178; 469; 479; 518; т. II, №№ 854; 896; 950; 1598; т. III. № 1435.—Дипломатическое приложеніе къ статьѣ А. Ѳ. Малиновскаго въ „Запискахъ Одес. Общ. Истор. и Древн.“ т. V.—Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI—XVII вв. Изданіе Ѳ. Лашкова. Симферополь, 1891. (Прежде напечатано въ „Изв. Таврическ. Учен. Архив. Коммиссіи“, №№ 9—12). Послѣднее изданіе очень полезное, представляющее довольно полный сборникъ, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворительно въ отношеніи корректурномъ.

[2]) Журн. М. Н. П. 1890, февр. стр. 390. (Замѣтка Н. И. Веселовскаго). Г. Лашковъ замѣчаетъ, что въ Крыму говорятъ не *шертъ*, а *шартъ*: Пам. дипл. сношен. Крым. ханства, стр. VI. Прибавимъ отъ себя, что въ описи Царскаго Архива также есть форма „шартный“: списокъ шартные грамоты Шигалѣя“. (А. А. Эксп. I, стр. 350).

[3]) Григорьевъ, О достовѣрн. ханск. ярлыковъ, стр. 15—25, гдѣ объясняется значеніе слова ярлыкъ въ восточныхъ языкахъ и въ русскомъ употребленіи.

Въ наказѣ послу Алексѣю Старкову велѣно говорить царю отъ великаго князя Іоанна III-го: „пожаловалъ еси, братомъ собѣ и другомъ меня учинилъ еси, шерть далъ, и ярлыкъ шертной далъ“ [1]).

Впослѣдствіи же обычно говорилось „шертная грамота“ (иначе „шертяная, шертовая, шертовальная, шертованная“), короче—шерть. Былъ употребителенъ глаголъ „шертовать“, отглагольное слово „шертованіе“, выраженіе „шертный братъ“ и т. п. [2]).

Итакъ, шерти, по буквальному значенію, суть подтвержденныя присягой грамоты крымскихъ хановъ съ его приближенными на вѣрное соблюденіе извѣстныхъ обязательствъ предъ московскими государями. Это не собственно договоры, а одностороннія обязательства именно съ крымской стороны: нельзя было, неприличнымъ считалось заключать договоры съ ханами, какъ съ равными по достоинству съ великими государями московскими; крымскіе ханы не были самостоятельные владѣтели на своемъ юртѣ; они были только намѣстники, присяжники турецкаго султана. Пусть въ грамотахъ изъ Москвы имъ давались титла „царя и брата“, а нѣкоторымъ, какъ наприм. Менгли-Гирею, прибавлялось еще имя „вольнаго человѣка“; пусть имъ посылались „поклоны“, даже „челобитья“, съ приложеніемъ „любительныхъ поминковъ“, какъ къ настоящимъ государямъ; но договоровъ въ смыслѣ трактатовъ о мирѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ, на подобіе трактатовъ съ другими государствами, не было заключаемо съ ханами крымскими: это было постоянное правило Московскаго Посольскаго Приказа [3]). Напротивъ, въ Москвѣ желали имѣть крымскихъ хановъ русскими присяжниками, хотя, конечно, не разсчитывали имѣть ихъ присяжниками въ той мѣрѣ, въ какой они были таковыми у турецкаго султана:

---

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 1—4; 6.

[2]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ употребленія слова „шерть“ не въ дипломатическихъ памятникахъ. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (X, § 161), на случай повальнаго обыска въ областяхъ съ инородческимъ населеніемъ велѣно сыскивать „князи, и мурзы, и татары, и чувашею, и черемисою, и вотяки, и всякими ясачными людьми по ихъ вѣрѣ, *по шерти*“. Въ грамотѣ къ туринскому воеводѣ отъ вступившаго на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича повелѣвалось: „всякихъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей по спискамъ къ вѣрѣ привесть, а иноземцевъ ясачныхъ людей *къ шерти*“, т. е. къ присягѣ на подданство. (Полн. Собр. Зак. Р. И., II, № 664. Ср. подобнаго же значенія документъ отъ времени ц. Алексѣя Михайловича въ Собр. Г. Г. и Д., III., № 131)

[3]) Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 58, по 2-му изд.

въ Москвѣ хорошо понимали, что ханы крымскіе по единовѣрію, да и по другимъ важнымъ причинамъ—географическимъ, культурнымъ, историческимъ—не могутъ отложиться отъ султана и стать на московскую сторону или служить съ равнымъ усердіемъ Турціи и Россіи; въ Москвѣ были бы довольны и тѣмъ, еслибы крымскіе ханы за посылаемую казну и поминки соблюдали съ нѣкоторой добросовѣстностью принятыя на себя обязательства, т. е. прекратили бы хищные набѣги на русскія украйны и по мѣрѣ возможности удерживали бы своихъ татаръ отъ этихъ набѣговъ.

Въ устраненіи крымской войны, точнѣе говоря—варварскихъ набѣговъ крымскихъ, и заключалась главная цѣль пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ изъ Крыма; средствомъ же обычнымъ къ тому служила казна, почти ежегодно посылаемая въ Крымъ, сверхъ поминковъ хану, его семейнымъ и его приближеннымъ. Стоитъ вникнуть въ условія пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ изъ Крыма, чтобы правильнѣе оцѣнить ихъ дѣйствительное значеніе для обѣихъ сторонъ; надобно взвѣсить всю эту необходимость, заставлявшую московское правительство посылать въ Крымскую орду строгія дипломатическія ноты въ видѣ шертныхъ записей, съ требованіемъ дать на нихъ присягу, и въ то же время посылать туда непрерывно денежную казну, довольно значительную для небогатаго государства, кромѣ поминковъ да полоняничныхъ денегъ, т. е. на выкупъ русскихъ плѣнниковъ, въ Крымъ захваченныхъ. Мы опредѣлимъ вкратцѣ эти условія, если скажемъ, что изъ Москвы требовали шерти, потому что она была необходима для спокойствія государства, а изъ Крыма продавали ее за цѣну, болѣе или менѣе значительную. Такова была жестокая необходимость крымскихъ отношеній!

Въ самомъ дѣлѣ, установить эти отношенія достойно для государства и къ чести великаго государя, найти способъ жизни съ варварскою ордой—это составляло всегда мудреную задачу для московской дипломатіи. Защитить отъ татаръ южную украйну на всемъ ея обширномъ протяженіи городами, валами и засѣками да заставить ее отрядами войскъ и сторожевыхъ станицъ—на это не было физической возможности. Достать Крымъ вооруженною рукой было бы крайне трудно: мѣшала степь! Степные походы крайне рискованны. Даже если бы Крымъ былъ завоеванъ, то и тогда была ли бы польза дѣлу? Орда могла откочевать въ другое мѣсто и снова

вредить украинцамъ, мѣшать сообщеніямъ съ Крымомъ. Притомъ воевать Крымъ значило задѣвать Турцію, Польшу. А главное—степь, эта стихійная сила, съ которой государству долго не совладать! Не знать вовсе Крымской орды, порвать всякія сношенія съ нею опять было нельзя, хотя бы только ради несчастныхъ плѣнниковъ, попавшихъ въ крымскую неволю, угрожаемыхъ еще большею бѣдой попасть на турецкія каторги: нельзя было не знать Крыма! Приходилось выбирать средній путь: поддерживать сношенія съ крымскими ханами и вельможами; дѣйствовать внушеніями, представленіями, иногда угрозами; поддерживать подъ рукой козаковъ, этихъ передовыхъ бойцовъ за христіанство противъ бусурманства; подкупать жадныхъ варваровъ, притомъ большею частію бѣдныхъ, мало обезпеченныхъ; торговаться съ ними, идти на сдѣлки, то хитрить, то принимать важный строгій топъ, учить варваровъ первымъ понятіямъ о правдѣ и справедливости, о приличіи и вѣжливости, то отвѣчать на дерзости ихъ также крутыми мѣрами...

Шертная грамота и являлась въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ послѣднимъ результатомъ русской дипломатіи, болѣе или менѣе дорого пріобрѣтеннымъ. Она устаповляла способъ жизни съ Крымскою ордой, давала государству хотя кратковременное успокоеніе на югѣ и нѣкоторую безопасность украйнамъ южнымъ, для татаръ же установляла опредѣленную денежную плату. Вотъ значеніе крымскихъ шертныхъ грамотъ: онѣ выражали сдѣлку государства со степной ордой!

Согласясь на уплату денегъ въ Крымъ, московское правительство могло свободнѣе предъявлять крымскимъ ханамъ свои требованія. Посланникъ отправлялся въ орду съ образцовымъ спискомъ шерти; онъ настаивалъ тамъ, чтобы шерть была дана слово въ слово по московскому списку. Правда, иногда шертная грамота предлагалась прямо изъ ханской канцеляріи; полученную крымскую шерть разсматривали въ Посольскомъ Приказѣ, но принимали ее только тогда, когда находили ее соотвѣтственной съ дѣломъ и приличной по выраженіямъ; въ противномъ случаѣ ее отвергали или возвращали съ требованіемъ переписать ее [1]). Бывало нерѣдко и такъ, что предва-

[1]) На ней дѣлали помѣтку, что грамота „не люба“ государю: Опись царск. арх., вщ. № 101 (Ак. Арх. Эксп., I, стр. 343). Въ шертной записи крымскихъ пословъ отъ 1656 года говорится: „и та шертная грамота Магметъ-Гирѣю царю переписать, потому

рительная шертная запись сообщалась уполномоченнымъ крымскимъ на посольскомъ съѣздѣ въ Ливнахъ, въ Валуйкѣ, или въ иномъ пограничномъ мѣстѣ, иногда въ самой Москвѣ; ихъ старались согласить на принятіе этой записи, послѣ чего татарскіе уполномоченные давали подъ присягой обязательство донести до хана предварительную запись и стараться о томъ, чтобы ханъ присягою же подтвердилъ ее, выдалъ бы настоящую шертную грамоту, дословно по записи. Таковъ былъ порядокъ составленія шертей; онъ разнообразился, смотря по обстоятельствамъ; но вообще шерть писалась по русскому образцовому списку, предложенному изъ Посольскаго Приказа. Добрыя услуги князей и мурзъ Сулешевыхъ, которые обыкновенно бывали уполномоченными ханскими на посольскіе размѣнные съѣзды, много помогали дѣлу; эти крымскіе князья считались пріятелями Москвы, дѣйствительно не отказывались давать обязательства русскимъ уполномоченнымъ донести шертную запись до хана, старались вообще дѣйствовать примирительно межъ обѣими сторонами. Нѣкоторые изъ Сулешевыхъ переходили даже на русскую службу, крестились и достигали высокихъ чиновъ. Въ исторіи нашихъ отношеній къ Крыму и пріобрѣтенія шертныхъ грамотъ оттуда нельзя не остановиться съ чувствомъ удовольствія на этой услугѣ для дѣла мира со стороны мурзъ и князей Сулешевыхъ [1]).

II.

Рядъ шертныхъ крымскихъ грамотъ начинается со времени Іоанна III Васильевича и его довольно постояннаго союзника крым-

---

что въ той шертной грамотѣ царскаго величества имянованье писано не сполна и не противъ образцоваго списка". (Пам. Дипл. Снош. Крым. Ханства, стр. 141. Ср. тамже шертную запись отъ 1681 года на стр. 182, гдѣ такое же требованіе о перепискѣ шерти).

[1]) Князь Юрій Енпеевичъ Сулешевъ служилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и умеръ въ санѣ боярина въ 1643 году; его родичъ, если не братъ, Василій Янпеевъ скончался кравчимъ въ 1642 году (Ак. Арх. Экспед., III, №№ 289 и 332 Соловьевъ, Истор. Россіи, IX, стр. 365—366-про мѣстническія отношенія кн. Сулешева съ кн. Урусовымъ, также выходцемъ изъ Крыма.—Алфавит. указатель фамилій и лицъ, упоминаем. въ боярскихъ книгахъ, на стр. 396. Ср. также указатель къ Разрядным книгамъ подъ словомъ „Сулешевы". и „Книгу посольскую метрики вел. княж Литовскаго", издан. кн Оболенскимъ и Даниловичемъ на стр. 226: тамъ въ одномъ документѣ времени Сигизмунда II Августа и крымскаго Девлетъ-Гирея князь Сулешъ называется „гомьятъ московскій" т. е. пріятель.

скаго, Менгли-Гирея, почти единственнаго царя крымскаго, котораго можно нѣкоторымъ добромъ помянуть въ нашей исторіи, да и то съ оговоркой: мирный союзникъ Руси Московской, онъ былъ жестокимъ врагомъ Руси Западной; зломъ онъ памятенъ въ частности для Кіева. Въ 1474 году нашъ первый посолъ въ Крымъ, Никита Василье вичъ Беклемешевъ, бояринъ, какъ онъ титулуется въ посольской книгѣ, повезъ съ собой три списка ярлыка, т. е. три проекта шертной грамоты; царь долженъ былъ дать присягу на одномъ изъ списковъ: если не дастъ на первомъ, наиболѣе выгодномъ для великаго князя, то пусть присягнетъ на второмъ; если не на второмъ, то на третьемъ. Царь далъ желанную шерть, и только одно нежеланное выраженіе употребилъ въ ней, а именно: „*пожаловалъ есмь*, взялъ есми любовь съ своимъ братомъ, съ великимъ княземъ Иваномъ“. Посолъ Беклемишевъ не успѣлъ отговорить хана отъ употребленія этого слова; впрочемъ, въ наказѣ послу было разрѣшено не сопротивляться, если царь непремѣнно захочетъ написать грамоту „съ пожалованіемъ“: за Менгли-Гиреемъ ухаживали, хотѣли во что бы то ни стало заключить союзъ противъ короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира Ягелловича, да противъ Ахмата, царя Золотой Орды. За то въ шертной грамотѣ Менгли-Гирея нѣтъ ни слова о какой-нибудь казнѣ, ни даже о поминкахъ въ Крымъ; вообще ханская шерть оказалась очень выгодна для Іоанна. Другая шерть, именно отъ 1480 года, была еще болѣе важна для московскаго государя: крымскій ханъ обязался порвать всякія сношенія съ королемъ польскимъ и быть его недругомъ [1]); въ ней нѣтъ уже формулы „о пожалованіи“. Царь употребилъ ее еще разъ въ шертной грамотѣ великому князю Василію III Ивановичу [2]); но въ послѣдующихъ шертяхъ XVI и XVII в.в. такія выраженія, какъ „пожаловать“, „повелѣвать“, не допускались болѣе.

Изложимъ по статьямъ содержаніе крымскихъ шертей XV—XVII вѣковъ.

---

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., томъ 41, стр. 4—6, гдѣ всѣ три списка ярлыковъ, образцовые въ отношеніи дипломатическаго искусства. Шерть Менгли Гирея—въ Собр. Г. Г. и Д., V, № 1. Дословно она не совпадаетъ ни съ однимъ спискомъ, но по общему смыслу всего ближе подходитъ къ первому. Другая шерть его—тамъ же подъ № 4.

[2]) Шертная грамота Менгли-Гирея отъ 1508 года—въ дипломатическомъ приложеніи къ статьѣ Малиновскаго подъ № 21. (Зап. Одес. Общ. И. и Др., т. V).

1.—Прежде всего шертью прекращали враждебныя дѣйствія, установляли вѣчный, т. е. безсрочный миръ „отъ дѣтей и на внучата“, установляли дружбу и союзъ, такъ чтобы имѣть общихъ друзей и недруговъ: „быти намъ вездѣ за одинъ, другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти“. Общими недругами Россіи и Крыма почитались польско-литовскій король и ханъ Золотой Орды. „А на Ахмата царя быти намъ съ тобою за одинъ... Также и на короля, на вопчего своего недруга, быти намъ съ тобою за одинъ... А буду и въ шерти съ королемъ, а тобѣ моему брату великому князю каково дѣло будетъ съ королемъ,—и мнѣ королю шерть сложити, а быти ми на него съ тобою за одинъ“, пишетъ Менгли-Гирей въ грамотѣ 1480 года. „А на Ахматовыхъ дѣтей и Казиміровыхъ королевыхъ дѣтей, Жигимонтомъ королемъ поченъ, или иной кто государь будетъ на великомъ княжествѣ Литовскомъ и на Польскомъ королевствѣ, и на ихъ дѣтей будемъ за одинъ“. (Шерть Исламъ-Гирея отъ 1535 года; то же и по шерти Сагибъ-Гирея отъ 1539 года). „И для вашіе брата нашего дружбы и любви мнѣ, Джанибекъ-Гирѣеву цареву величеству, на общего нашего недруга, на польскаго Владислава короля, послати войною сына своего Мубарекъ-Гирѣя или мурзъ съ воинскими людьми, какъ всемогущій Богъ помощи подастъ, такъ велимъ ево воевать и разорять“,—говорится въ шертной грамотѣ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ декабря 1633 года, т. е. послѣ набѣговъ крымскихъ на русскія области двухъ предыдущихъ лѣтъ, по возбужденію польскаго правительства, что было не безъ вліянія на исходъ Смоленской осады. Вообще въ XVI и XVII в. в., въ эпоху послѣ Менгли-Гирея, Крымъ служилъ какъ противъ Польши, такъ и противъ Россіи, подкупаемый деньгами и возбуждаемый со стороны русской и польской [1]). Въ сущности онъ былъ самымъ ненадежнымъ, самымъ непостояннымъ союзникомъ, по винѣ отчасти самыхъ правительствъ московскаго и польскаго, а не по легкомыслію да продажности крымцевъ только.

2.—Крымъ обязывался не дѣлать набѣговъ на русскія украйны: всякая война и всякіе набѣги своевольныхъ татарскихъ отрядовъ почитались дѣломъ незаконнымъ, преступнымъ и достойнымъ наказанія;

---

[1]) Памятники дипом. снош. Крымск. ханства съ Московскимъ государствомъ, изд. г. Лашкова, стр. 23; 25; 58. (Дальше мы будемъ цитовать страницы именно этого изданія, подъ краткимъ заглавіемъ: „Пам. дипл. снош.“).

ханъ обязывался не воевать русскихъ областей, если бы даже самъ султанъ то приказывалъ; онъ обязывался въ этомъ смыслѣ какъ за себя и своихъ приближенныхъ вельможъ, такъ и за рядовыхъ татаръ, называемыхъ въ Крыму казаками, какъ за крымскихъ, такъ и за ногайскихъ татаръ. Въ случаѣ своевольныхъ набѣговъ татаръ, ханъ обязывался возвращать заграбленное имущество и всѣхъ русскихъ плѣнныхъ безъ всякаго окупа, грабителей же подвергать строгому наказанію за ихъ своеволіе и злодѣйство. Вотъ два примѣра такихъ обязательствъ. „А мнѣ Менгли-Гирею царю твоея земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни козакомъ; а безъ нашего вѣданія люди наши твоихъ людей повоюютъ, а пріидутъ къ намъ, и намъ ихъ казнити, а взятое отдати, и головы людскія безъ окупу намъ тобѣ отдати“ [1]). „А буде которые наши ратные люди безъ нашего повелѣнья ваши брата нашего городы и земли повоюютъ, и повоевавъ придутъ въ Крымъ, и намъ тѣхъ людей казнити смертною казнью; а что они приведутъ съ собою какова ясырю вашего и ихъ животовъ, и намъ тотъ ясырь сыскивая и съ ихъ животы отдавати вамъ безъ окупу“ [2]). „И впередъ мнѣ, Исламъ-Гирею царю, и братьѣ нашей калгѣ и нурадыну, и инымъ царевичемъ дѣтемъ нашимъ, и братьямъ и племянникамъ, и князьямъ, и агамъ, и мурзамъ, и всѣмъ крымскимъ людемъ, и ногайскимъ мурзамъ, и Мансурова родства и Меншого Ногаю мурзамъ и улуснымъ ихъ людемъ, которые въ нашемъ повелѣньѣ, всѣмъ мурзамъ и чернымъ улуснымъ людемъ, и азовскимъ татаромъ и чернымъ людемъ,—брата нашего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, на государства войною не ходить,

---

[1]) С. Г. Г. и Д., V, № 1, шерть Менгли-Гирея отъ 1474 года.

[2]) Пам. дипл. снош., стр. 48, шерть Магмедъ-Гирея III отъ 1623 г. сентября 8. Кстати отмѣтимъ, что эти слова пишетъ тотъ самый ханъ, который прежде, еще не будучи ханомъ, занимался разбоемъ и продажею плѣнниковъ русскихъ, вмѣстѣ съ братомъ Шагинъ-Гиреемъ: они сдѣлали изъ этого спеціальный для себя промыселъ (В. Д. Смирновъ, Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты, стр. 476—477. По соображенію этого автора, шерть Магметъ-Гирея III относится къ 1624 г. сент. 8: тамъ же, стр. 492).

Относительно военноплѣнныхъ (набѣгъ и война всё-таки въ извѣстной мѣрѣ различались) находимъ въ шертяхъ особыя статьи: они или выкупались за условленную цѣну, или обмѣнивались голова на голову: Пам. дипл. снош., стр. 162—163; 171; 174.

и городовъ и земель не воевать, хотя будетъ и благочасной великой государь (т. е. султанъ турецкій) пришлетъ къ намъ повелѣнье свое, а велитъ намъ идти войною на государства брата нашего“ [1]).—Предполагалось, что крымскіе ханы будутъ въ состояніи унимать отъ набѣговъ всю кочевую массу татарскую и разныхъ „зипунниковъ воровъ“, какъ выражается про своевольныхъ татаръ крымская шерть 1642 года; предполагалось также, что крымскіе ханы могутъ не слушаться самихъ султановъ турецкихъ, когда тѣ приказывали отправляться въ набѣгъ [2]).

3.—Крымскіе ханы обязывались давать свободный проѣздъ иностраннымъ посламъ и купцамъ, идущимъ въ Московское государство черезъ Крымъ или степныя земли, на которыя простиралась власть хановъ, равно и русскимъ посламъ и торговымъ людямъ, идущимъ въ другія страны. „Также и твои брата моего послы или гости, куды пойдутъ отъ тебя Дономъ или полемъ, также отколь пойдутъ къ тебѣ твои послы или гости, также и отъ иныхъ государей и отъ кого ни буди пойдутъ къ тебѣ къ брату нашему послы или гости, и нашимъ людямъ твоихъ пословъ и гостей и тѣхъ пословъ и гостей не имати, не грабити; а кто нашихъ людей твоихъ пословъ или гостей и тѣхъ (т. е. иностранныхъ) пословъ и гостей которые къ тебѣ пойдутъ отъ иныхъ государей, отъ кого ни буди, пограбятъ, а къ намъ придутъ, и намъ ихъ казнити, а взятое велимъ отдати, а головы людскія безъ окупа намъ тебѣ отдати“. [3]). „А которые ваши брата нашего вели-

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 119, шерть Исламъ-Гирея III отъ 1647 г. октября 6. О ногайскихъ татарахъ, дѣлившихся на разныя орды, болѣе или менѣе отъ Крыма зависимыя, ср. данныя изъ турецкихъ источниковъ въ названной книгѣ г. Смирнова, на стр. 510 и въ друг. мѣстахъ. Въ шертяхъ часто называются какъ особые Дивѣевъ улусъ и Казіевъ улусъ: Пам. дипл. снош., стр. 32; 35; 37; 39; 45 и проч.

[2]) Пам. дипл. снош. 102; 104. Фраза о томъ, что крымцы не будутъ воевать русскихъ земель, хотя и султаново повелѣнье на то будетъ, много разъ повторяется въ шертяхъ, наприм. стр. 72; 77; 81—82; 93; 96; 136; 142 и др.

Въ шертныхъ грамотахъ первой половины XVI-го вѣка опредѣленнѣе указывается, чтобы татары не нападали на ближайшую украйну Сѣверскую (Малиновскій, Дипломатич. прилож., стр. 406; 416; 418; Лашковъ, Пам. дипл. снош., 25). Въ шертяхъ XVII-го вѣка прибавляется: „и подъ украинные городы, которые по Донцу и по инымъ рѣкамъ, не приходить, и станичниковъ и проѣзжихъ людей не грабить и въ полонъ не имать“ (Пам. дипл. снош., 46; 52).

[3]) Малиновскій, Диплом. прилож., стр. 406, шерть Магмедъ-Гирея I отъ 1518 г. Такъ же и во всѣхъ шертахъ перв. полов. XVI-го вѣка, почти дословно сходныхъ: тамъ же стр. 416; 418—419. Ср. Пам. дипл. снош., стр. 24 и 26.

каго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи послы и посланники, и гонцы, и торговые люди учнутъ отъ васъ ходити въ иныя государства или изъ иныхъ государствъ къ вамъ брату нашему такожъ пойдутъ послы и посланники, и гонцы, или тѣхъ государствъ торговые люди черезъ наше государство, и намъ пословъ вашихъ брата нашего, и посланниковъ, и гонцовъ, и торговыхъ людей, такожъ отъ которыхъ государей къ вамъ пойдутъ послы и посланники, и гонцы, и торговые люди, и ихъ не перенмать, и не грабить, и припущати намъ ихъ къ вамъ безъ задержанья“ [1]). Въ послѣдующихъ шертяхъ прибавляется: „пропустити ихъ безъ пошлины, и безо всякіе тѣсноты и задержанья“ [2]).

4.—Крымскіе послы, пріѣзжая въ Москву, не имѣютъ права требовать для себя особыхъ пошлинъ посольскихъ, какія давались во времена Золотой Орды татарскимъ посламъ; на этомъ условіи съ перваго же разу сталъ настаивать Іоаннъ III, заключая союзъ съ Менгли-Гиреемъ; оно и внесено въ первый шертный ярлыкъ 1474 года: „а коли мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, къ великому князю Ивану, и мнѣ его къ тебѣ послати безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой посолъ ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ; а пошлинамъ даражскимъ и инымъ всѣмъ пошлинамъ „никоторымъ не быти“. На этомъ условіи Іоаннъ III настаивалъ во все время сношеній со своимъ союзникомъ [3]). Въ шертяхъ XVI и XVII вѣковъ оно повторяется почти въ тѣхъ же неизмѣнныхъ выраженіяхъ. Напримѣръ, въ шерти Магмедъ-Гирея I опредѣленно сказано: „а коли мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, къ брату моему, къ в. к. Василью, и мнѣ его послати къ тебѣ безъ пошлинъ, а пошлина твоимъ людемъ и тебѣ всѣ пошлины отстали“. Или въ шерти Исламъ-Гирея 1-го: „а дарагамъ и пошлинамъ даражскимъ, и инымъ пошлинамъ никакъ не быти“, и проч. [4]).

---

[1]) Пам. дипл. сношен., стр. 49. Ср. также 37—38; 40; 57; 108 и проч.

[2]) Также, стр. 74—75.

[3]) С. Г. Г. и Д., V, № 1. Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 4—6; 20; 27 и мн. другія мѣста древней посольской книги крымской.

[4]) Малиновскій, Диплом. прилож., стр. 406; 407; 419. Лашковъ, Пам. дипл. сношен., стр. 24; 26; 120 и друг. О послахъ, дарагахъ, писцахъ и о разныхъ пошлинныхъ людяхъ временъ Золотой Орды, также о разнообразныхъ пошлинахъ, требуемыхъ послами ханскими отъ русскихъ князей и населенія см. ханскіе ярлыки, жалованные духовенству. Теперь шертями отмѣняются всякія посольскія пошлины въ старомъ смыслѣ и значеніи.

5.—Крымскіе послы и гонцы должны пріѣзжать въ Москву съ небольшою посольскою свитой, лишнихъ людей съ собой не привозить. Въ шертной грамотѣ 1647 года точно опредѣляется число пріѣзжающихъ татаръ: „посылати мнѣ Исламъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну царевичамъ съ граматами своими въ послѣхъ по одному человѣку, да съ ними будетъ двѣнадцать человѣкъ людей ихъ, а больши трехъ человѣкъ пословъ не посылать, а ихъ людей больше двунадцати человѣкъ не будетъ; а отъ ближнихъ людей ни отъ ково пословъ и грамотъ не посылать, а гонцовъ посылать потому жъ мнѣ, Исламъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну, послать съ своими грамотами гонцовъ отъ трехъ насъ человѣкъ, да людей ихъ трехъ же человѣкъ, и то передъ розмѣною, съ вѣстью отъ князя и отъ мурзы, которые на розмѣну посланы будутъ, или для государственнаго большого дѣла; а больше трехъ человѣкъ гонцовъ и трехъ грамотъ къ брату нашему, къ великому государю, азъ, Исламъ-Гирей царь, и калга, и нурадынъ царевичи, посылати не учнемъ, противъ Курамши мурзиной шертной записи“ [1]). Итакъ, шерть 1647 года точно установляетъ количество пословъ крымскихъ и гонцовъ: не больше трехъ пословъ т. е. по одному отъ хана, отъ калги и отъ нурадина, а съ ними 12 человѣкъ свиты; не больше трехъ гонцовъ, а съ ними также три человѣка провожатыхъ; не больше трехъ грамотъ; опредѣляется точно и самый поводъ отправленія гонцовъ, т. е. увѣдомленіе на счетъ розмѣннаго посольскаго съѣзда, или же необычный—по особо важному государственному дѣлу. Нѣсколько иначе о тѣхъ же дѣлахъ постановляетъ шертная грамота 1670 года, предложенная хану Адиль-Гирею; пять человѣкъ пословъ, а съ нимъ 20 человѣкъ свиты; три человѣка гонцовъ, да съ ними 12 человѣкъ свиты [2]).

Цѣль этихъ опредѣленій понятна: Посольскій Приказъ желалъ сдѣлать болѣе рѣдкимъ пріѣздъ крымскихъ татаръ въ Москву безъ особой надобности и сократить число самыхъ пріѣзжающихъ, содержаніе которыхъ на счетъ казны обходилось не дешево; пусть никакихъ пошлинъ посольскихъ не платилось крымскимъ посламъ и гонцамъ, но въ кормѣ и въ нѣкоторыхъ подаркахъ нельзя было все-таки отказать имъ. Вотъ почему московское правительство со временъ же

[1]) Пам. дип. сношп., стр. 112; 116; 120; 124.

[2]) Тамъ же, стр. 160; 166—167. Ср. въ послѣдующихъ шертныхъ запискхъ и шертяхъ на стр. 175 и 177.

Іоанна III старается уменьшить татарскіе пріѣзды и количество пріѣзжихъ татаръ въ Москву, и даетъ такіе напр. наказы своимъ посланцамъ въ Крымъ: „говорити о томъ, чтобы царь посла своего посылалъ не въ многихъ людехъ“. Или такъ: „князь великій велѣлъ тобѣ говорити: прислалъ еси ко мнѣ своего человѣка Сарыку, а прислалъ еси его ко мнѣ безъ дѣла; и язъ нынѣча Сарыку пожаловалъ тебя для, а впередъ бы еси ко мнѣ бездѣльныхъ людей не посылалъ“. (Въ сущности это—выговоръ Іоанна III Менгли-Гирею). Или такъ: „учнетъ царь посла своего посылати къ великому князю, ино говорити царю о томъ, чтобы съ посломъ лишнихъ людей не было“. При всемъ томъ однако Іоаннъ III, очень бережливый въ тратахъ на содержаніе татарскихъ и всякихъ вообще иностранныхъ пословъ, не могъ отклонить пріѣзда многочисленныхъ татарскихъ посланцовъ изъ Крыма отъ хана, отъ калги Ямчурчея, брата Менгли Гиреева, отъ царскихъ женъ и сыновей, отъ различныхъ князей и мурзъ крымскихъ, присылавшихъ съ своими людьми кучи грамотъ и запросовъ на счетъ подарковъ [1]). Такимъ образомъ шертныя грамоты половины XVII вѣка, сравнительно съ Іоанновымъ временемъ, составляютъ для московскаго правительства выгодный прогрессъ въ дѣлѣ пріема и содержанія крымскихъ посланцовъ, да разсмотрѣнія дотолѣ многочисленныхъ татарскихъ ярлыковъ съ просьбами о подаркахъ; оно принимаетъ теперь только дѣловыя грамоты отъ хана, да отъ двухъ его сановниковъ—султановъ, т. е. отъ калги и нурадина, не больше.

6.—Въ грамотахъ, изъ Крыма присылаемыхъ, царскій титулъ великаго государя долженъ писаться исправно, по достоинству, и вся грамота писаться въ приличныхъ выраженіяхъ: „а въ грамотѣ царскаго величества имя написать полнымъ именованьемъ, противъ образцовыхъ грамотъ“... „Имя великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руссіи самодержца и многихъ го-

[1]) Сборн. И. Рус. Истор. Общ., т. 41, стр. 14; 39; 49 и проч. О содержаніи ногайскаго посла читаемъ: „и князь великій того же мѣсяца сентября (1489 г.) послалъ противъ ногайскаго посла Юшка подъячаго, а велѣлъ ему давати послу кормъ на стану *по два барана, а овчины назадъ отдавать*: а на кони, на которыхъ они ѣдутъ, на десятеро лошадей четверть овса; а которые кони гонятъ на продажу, на тѣ кони корму не давати“: тамъ же стр. 81. Ср. въ Пам. диплом. снош. съ Цезарскимъ дворомъ I, стр. 48—49. О дешевенькихъ подаркахъ крымскимъ посламъ и гонцамъ въ XVII вѣкѣ ср. любопытную замѣтку Котошихина, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 57, по 2-му изданію.

сударствъ государя и обладателя, описывать съ полнымъ его государскимъ именованьемъ“ [1]) Изъ Крыма иногда возражали: „да вы, великій государь, къ нашему величеству—пишетъ ханъ Богатырь-Гирей царю Михаилу Ѳедоровичу—писали, чтобы намъ съ „повелѣньемъ“ къ вамъ писати не велѣти; изначала отъ прадѣдовъ, и отъ дѣдовъ, и отъ отцовъ нашихъ повелося у насъ, на всѣ четыре страны ко всѣмъ государямъ такъ пишемъ, и мы потому жъ къ Итяпъ Алфендѣю своему писать велѣли, какъ искони писали вы къ намъ; пишете государемъ самодержцемъ, и намъ до того слова дѣла нѣтъ, а пишемъ къ вамъ по прежнему съ честью и съ любовью“. Тѣмъ не менѣе въ шертной записи пословъ этого же хана находимъ опять обязательство, чтобы въ шертной и во всякихъ грамотахъ вообще имя великаго государя царя, всея Русіи самодержца, многихъ государствъ государя и обладателя, описывать съ полнымъ его государскимъ именованьемъ, безъ „повелѣнья“, какъ ему, великому государю, всѣ великіе окрестные государи описуютъ, и его государское именованье во всемъ остерегать [2]).

За то излишній, странный титулъ даютъ изъ Крыма московскому царю, когда во многихъ шертяхъ называютъ его „русскимъ *и прусскимъ*“. Не смѣшивали ли въ крымской хановой канцеляріи титулъ московскаго государя съ титуломъ короля польскаго? Но опять странно, почему въ Посольскомъ Приказѣ не поправили, ни разу не оговорили этого титула? По крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ документахъ мы не встрѣтили нигдѣ никакой оговорки на счетъ этого совсѣмъ необычнаго титула [3]).

7.—Русскіе послы, посланники и гонцы, и всѣ сопровождающія ихъ лица (толмачи и переводчики, вожи и арбачеи, кречетники и проч.) пользуются въ пути и въ самомъ Крыму свободой и без-

---

[1]) Пам. дипл. снош., стр. 72, 89.

[2]) Тамъ же стр. 94 и 98, документы отъ 1640 года. Оказывается, что царь Богатырь-Гирей употребилъ пытку надъ русскими посланниками, чтобы заставить ихъ принять свою шерть, а не по списку, посланниками привезенному: см. тамъ же стр. 13, въ реестрѣ Малиновскаго. И позже изъ Крыма возражали противъ царскаго титула, говорили, что московскій государь горделиво-де называетъ себя „восточнымъ и западнымъ“: см. Смирнова, Крымское ханство, стр. 567. Но Посольскій Приказъ всегда настаивалъ на своемъ: Пам. дипл. снош., стр. 105; 137—138; 143; 158; 182; 190.

[3]) Пам. диплом. снош. на стр. 39; 47; 73; 85; 90; 99. Ужели въ Крыму усвоили мысль о происхожденіи „Руси“ отъ „Пруссовъ“ ? Странный, непонятный титулъ!

опасностью; никакихъ пошлинъ за доступъ къ хану посланники не платятъ; ничего лишняго, сверхъ положенныхъ поминковъ, съ нихъ не должно требовать; обходиться съ ними слѣдуетъ честно, безъ всякихъ притѣсненій; давать имъ нескудный кормъ, построить для нихъ особый посольскій дворъ. Вотъ нѣсколько подлинныхъ мѣстъ изъ шертныхъ грамотъ. „А твой посолъ брата моего ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ, а пошлины, и дараги, и инымъ никоторымъ пошлинамъ не быти, ни силѣ, ни наступанью никоторому надъ твоими послы и надъ твоими людьми никакъ не быти“ [1]). „Сверхъ того (т. е. условленнаго) лишнего у посланниковъ не просити и не спрашивать, и за то имъ безчестья, и тѣсноты, и грабежу, и никакова дурна не чинити, правежемъ и въ неволю ничего не имать“ . . . „Кормъ имъ давать нескудной, и дворы на пріѣзды посольскіе построить, какъ ведетца въ мирныхъ государствахъ: въ совѣтѣ пребываютъ; честь и береженье къ нимъ держать, и къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, отпущати ихъ безо всякаго задержанія и зацѣпокъ“ . . . „Отпустить ихъ къ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, со всякою учтивостью, не задержавъ“, и т. под. [2]).

По самому тону шертныхъ грамотъ, да и по прямымъ даннымъ въ нихъ видно, что крымцы на дѣлѣ обходились съ русскими посланниками крайне грубо, въ точномъ смыслѣ варварски [3]). А вотъ что пишутъ наши посланники Тяпкинъ и Зотовъ на счетъ постояннаго двора посольскаго въ Крыму: „а строенья на посольскомъ дворѣ, по Аталыкову мирному договору, учинено при посланникѣ цар-

---

[1]) Пишетъ Менгли-Гирей въ шертной грамотѣ 1508 года: Малиновскій, Дипл. прилож., стр. 391. А вотъ что пишетъ своему государю, годъ спустя послѣ полученной шерти, посолъ боярин Василій Григорьевичъ Морозовъ. „И азъ, государь, пошелъ въ дверемъ ко царевымъ, и ясаулы, государь, покинули посохи (т. е. бросили въ ноги послу), да стали говорить толмачу: давай пошлины! И азъ, государь, черезъ посохи перешелъ; азъ реку: тово не вѣдаю. И Апакъ мурза, государь, мнѣ молвилъ: не потакай тому, поди прямо къ царю“. (Крымск. дѣла, посольская книга № 3, листъ 62-й). Приведенное мѣсто объясняетъ, что значитъ выраженіе „идти прямо къ царю“, и какъ приближенные хана нарушали это постановленіе для своей корысти.

[2]) Пам. дипл. сношен., стр. 84; 159; 162 и мн. др. О спутникахъ посольскихъ и о порядкѣ ихъ отпуска изъ Крыма—стр. 112; 116—119—120; о построеніи посольскихъ избъ—стр. 159; 171; 175. Впервые условіе на счетъ построенія ихъ сдѣлано въ 1670 году, по договору въ Москвѣ съ Шахъ-Темиромъ Аталыкомъ.

[3]) Тамъ же, стр. 76—77; 88—89; 91; 97. Ср. примѣч. 2-е на стр. 50.

скаго величества, при Васильѣ Елчинѣ, четыре пунишки складены изъ дикаго нетесаного камени, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ и безъ мосту, и безъ лавокъ, и безъ дверей, а для свѣту учинено по одному окошку. И воистину объявляемъ о томъ строеньѣ, яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ, посланникамъ царскаго величества“ [1])... Такія горячія, горькія слова сорвались съ языка московскихъ посланниковъ, обычно спокойныхъ и дѣловитыхъ въ ихъ донесеніяхъ, весьма выносливыхъ вообще ко всякимъ трудностямъ посольской крымской службы, едва ли не самой тяжкой изъ посольскихъ! При такомъ положеніи дѣлъ, посольскія сношенія съ Крымомъ иногда прерывались и готовы были навсегда порваться, какъ объ этомъ принципіально говорится въ нѣкоторыхъ шертныхъ записяхъ; вмѣсто поѣздокъ въ Крымъ предполагали ограничиться посольскими съѣздами на границѣ [2]; но изъ Крыма старались поправить дѣло, не доводя до полнаго разрыва; требовали и вмѣстѣ просили, чтобы по прежнему въ Крымъ съ казной присылались „большіе послы дворяне, добрые служилые ближніе люди“ [3]). На самомъ дѣлѣ туда обыкновенно посылались дворяне средней руки, въ характерѣ посланниковъ [4]).

8.—Для размѣна пословъ и посланниковъ, для предварительныхъ переговоровъ и для отдачи условленной казны устанавливались посольскіе размѣнные съѣзды на пограничныхъ мѣстахъ, то въ Ливнахъ, то въ Валуйкѣ, то иногда въ Переволочнѣ на Днѣпрѣ, а

[1]) Записки Одес. Общ. Ист. и Древн., II, отд. 2 и 3, стр. 578, въ статейномъ спискѣ названныхъ посланниковъ отъ 1681 года. Ср. тамъ же, на стр. 605, что говорятъ они объ ухудшенномъ ихъ помѣщеніи, и на стр. 608 о помѣщеніи казацкихъ посланцовъ.

[2]) Пам. диплом. сношен., стр. 91; 155.

[3]) Тамъ же, стр. 92—93. Изъ Крыма писали, напримѣръ, такимъ образомъ: „да и на томъ шертовали есмя, что впередъ посломъ вашимъ никакова дурна и безчестья не будетъ, да и на томъ: будетъ которое дурно учинитца у насъ посломъ вашимъ, и вамъ нашимъ посломъ учинити тожъ; и которыхъ пошлете къ намъ пословъ своихъ, и вамъ бы приказати имъ накрѣпко, чтобъ они были не упрямы“. Посланники были люди дѣйствительно стойкіе и энергичные, въ своемъ родѣ герои службы, иногда—правда—очень крутого нрава.

[4]) Это видно какъ изъ шертей XVII вѣка, гдѣ обыкновенно называются „посланники“, а не послы, какъ они часто именуются въ прежніе вѣка, такъ и изъ свидѣтельства Котошихина, который точно говоритъ: „къ крымскому хану и къ калмыцкимъ тайшамъ посылаются посланники, середнихъ родовъ дворяне, а съ ними товарыщи подьячіе“ (О Россіи въ царст. Алексѣя Михайловича, стр. 34).

всего чаще именно въ Валуйкѣ, на рѣчкѣ Ураевѣ [1]). Съ русской стороны на съѣздъ уполномочивался обыкновенно окольничій, иногда даже бояринъ; съ крымской стороны полномочнымъ былъ обыкновенно либо князь, либо мурза Сулешевъ. На съѣздѣ вырабатывалась шертная запись, послѣ чего крымскій полномочный давалъ присягу, что подлинная шертная грамота будетъ написана въ Крыму по предварительной шертной записи, и что онъ будетъ всячески радѣть о мирѣ, о добрыхъ отношеніяхъ между Крымомъ и Москвой. По окончаніи съѣзда полномочные отправлялись каждый въ свою сторону, одинъ взявъ съ собой крымскихъ пословъ, а другой—посланниковъ русскихъ, съ ручательствомъ за ихъ личную безопасность въ пути и на томъ мѣстѣ, куда они акредитованы. Со съѣзда отправлялась въ Крымъ и казна въ условленномъ размѣрѣ [2]).

9.—Самая главная, существенная статья шертныхъ грамотъ XVII вѣка была именно на счетъ платежа этой казны. Шертныя грамоты и записи двухъ предыдущихъ вѣковъ еще не говорятъ ни о какомъ платежѣ; пусть на дѣлѣ поминки посылались въ Крымъ со времени Іоанна III и Менгли-Гирея; пусть источники первой половины XVI-го вѣка говорятъ намъ про поминки магметъ-гиреевскіе и сапиъ-гиреевскіе; пусть царь Ѳеодоръ Ивановичъ отправлялъ Казы-Гирею казну не въ одинъ десятокъ тысячъ рублей деньгами, мѣхами и шубами: но московское правительство XVI-го вѣка успѣвало еще уклоняться отъ формальнаго на письмѣ обязательства какою-нибудь дачей въ Крымъ. Въ XVII-мъ же вѣкѣ и такое обязательство становится обычнымъ въ шертныхъ грамотахъ, причемъ устанавливаются самыя росписи, кому именно и сколько давать ежегодной казны, поминковъ и жалованья. Къ сдѣланной однажды росписи изъ Кры-

---

[1]) „Съ Нагайской страны пала въ *Осколъ* рѣчка *Валуевка*, а на ней на устьѣ стоитъ градъ *Валуевка*. А отъ Валуйки внизъ по Осколу, отъ Калміусской дороги, пала въ Осколъ рѣчка *Ураева*, да рѣчка *Уразова*". (Книга глаголемая Большой Чертежъ, изд. 1846, на стр. 36). Мѣсто посольскаго размѣннаго съѣзда приходило въ верстахъ въ пяти отъ города.

[2]) Пам. дипл. сношен., стр. 177, 180; 184; 186—187. Въ 1683 году уполномоченные русскіе требовали отъ крымцевъ, на съѣздѣ въ Переволочнѣ, чтобы впредь размѣну подъ Переволочною для дальняго пути не быть, а быть бы розмѣну по исконному обычаю подъ Волуйкою на рѣкѣ Ураевѣ: стр. 196—197. Но въ Крыму предпочитали ближайшую отъ него Переволочну: стр. 200. Впрочемъ, это было уже въ концѣ XVII-го вѣка, когда дѣло было близко къ прекращенію съѣздовъ и къ прекращенію всякихъ дачъ крымцамъ.

ма требовали прибавокъ то на новыхъ членовъ ханской семьи и на новыхъ лицъ, къ хану приближенныхъ, то по случаю „обновленья царева“, т. е. вступленія на престолъ новаго хана; даже за немирные годы набѣговъ и войны крымцы требовали казны; но московское правительство отказывало въ подобныхъ крайне безстыдныхъ требованіяхъ [1]). Вотъ нѣсколько подлинныхъ мѣстъ, сюда относящихся; послушаемъ, какимъ тономъ говорятъ обѣ стороны: „А брату нашему, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Росіи и многихъ государствъ государю и обладателю, къ намъ Джанбекъ-Гирею царю, и къ брату нашему къ калгѣ Магметъ-Гирею, и къ сыну нашему къ нурадыну Мубарекъ-Гирею царевичу, и къ царицамъ нашимъ, поминки свои, а къ ближнимъ нашимъ людемъ жалованье присылати сполна, не умаля ни въ чемъ, по сему нашему нынѣшнему договору, на чемъ если съ присланнымъ брата нашего съ добрымъ человѣкомъ съ Тимоѳеемъ Анисимовымъ, да съ подъячимъ съ Калистратомъ Акинѳіевымъ договорилися мы Джанбекъ-Гирѣево царево величество, по волѣ своей написавъ роспись, за нашею печатью дали; и впередъ бы въ сей дачѣ присылати по той нашей росписи сполна, и чтобъ о томъ впередъ лишнего слова, и шуму, и брани не было; и съ той росписи, которая послана къ вамъ, брату нашему, списавъ списокъ, оставили у себя въ казнѣ для того, чтобъ впередъ знака не было, и чтобъ брата нашего великаго государя посломъ про то впередъ дурна и безчестья никакого не было. А мы сверхъ той росписи на нихъ ничего спрашивать не учнемъ“ [2]). Въ шертной записи 1656 года крымскія

---

[1]) Пам. дипл. сношѳ., № 41—двѣ росписи казны и поминковъ. На стр. 64 замѣчено: „а писана ся царева роспись (т. е. Джанибекъ-Гиреева отъ 1633 года) безъ цѣны, и по государеву указу съ цѣною, примѣряся цѣнѣ къ прежнимъ росписямъ“. Итакъ, роспись 1633 года не первая въ этомъ родѣ, но единственная изъ дошедшихъ среди шертныхъ грамотъ. Упоминаются не рѣдко еще росписи Богатырь-Гиреева, Курамшина мурзина: тамъ же стр. 66—77; 81; 84; 88; 96 („роспись что при Тахтамышѣ“, т. е. уполномоченномъ Богатырь-Гирея: стр. 80); 127; 142; 182 и друг. Не приводимъ указаній на многія другія страницы „Памятниковъ“, гдѣ говорится о поминкахъ, о казнѣ, о дарахъ, о нихъ постоянно рѣчь въ шертяхъ XVII-го вѣка, хотя далеко не вездѣ ясная рѣчь на счетъ собственно постоянной казны и временныхъ поминковъ. Да и по самому существу дѣла понятія „казны“ и „поминковъ“ должны были колебаться. За военное время и за время набѣговъ въ казнѣ отказывали: тамъ же, напримѣръ, стр. 108; 164.

[2]) Тамъ же, стр. 58.

послы даютъ обязательство: „какъ великаго государя его царскаго величества посланники Андрей Акимовичъ, да подъячей Григорій Ждановъ у государя нашего Магметъ-Гирея царя, и у калги Казы-Гирея царевича, и у нурадына Адиль-Гирея царевича будутъ въ Крымѣ, и государю нашему Магметъ-Гирею царю, и калгѣ, и нурадыну, великаго государя его царскаго величества любительные поминки, а ближнимъ ихъ людемъ его царскаго величества жалованье приняти съ великою честію, по прежней Богатырь-Гирѣевѣ царевѣ росписи, и по Курамшину договору и по шертной грамотѣ, безъ запросовъ; и мимо Курамшина договора и Богатыръ-Гирѣевы царевы росписи на посланикахъ, нынѣ и впредь которые будутъ отъ царскаго величества въ Крымѣ, царю и калгѣ и нурадыну и ближнимъ ихъ людемъ государева жалованья лишнего ничего на нихъ не спрашивать, и ихъ не безчестить, и никакого дурна надъ ними не дѣлать“ и т. д. [1]). Съ своей стороны, крымцы прибавляли: „ежегодъ казну присылать по росписи, по прежнему обычаю, шубы мѣрны и широки велѣть дѣлать“, „шубъ узкихъ и немѣрныхъ не дѣлать“, и проч. [2]).

И вдругъ всё это рушилось! Съ конца XVII вѣка, послѣ крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына, да послѣ азовскихъ походовъ Петра, плата казны и всякихъ поминковъ въ Крымъ сразу и на всегда прекратилась. Съ того времени перестали писать и шерти: ибо прекратился существеный поводъ къ ихъ писанью.

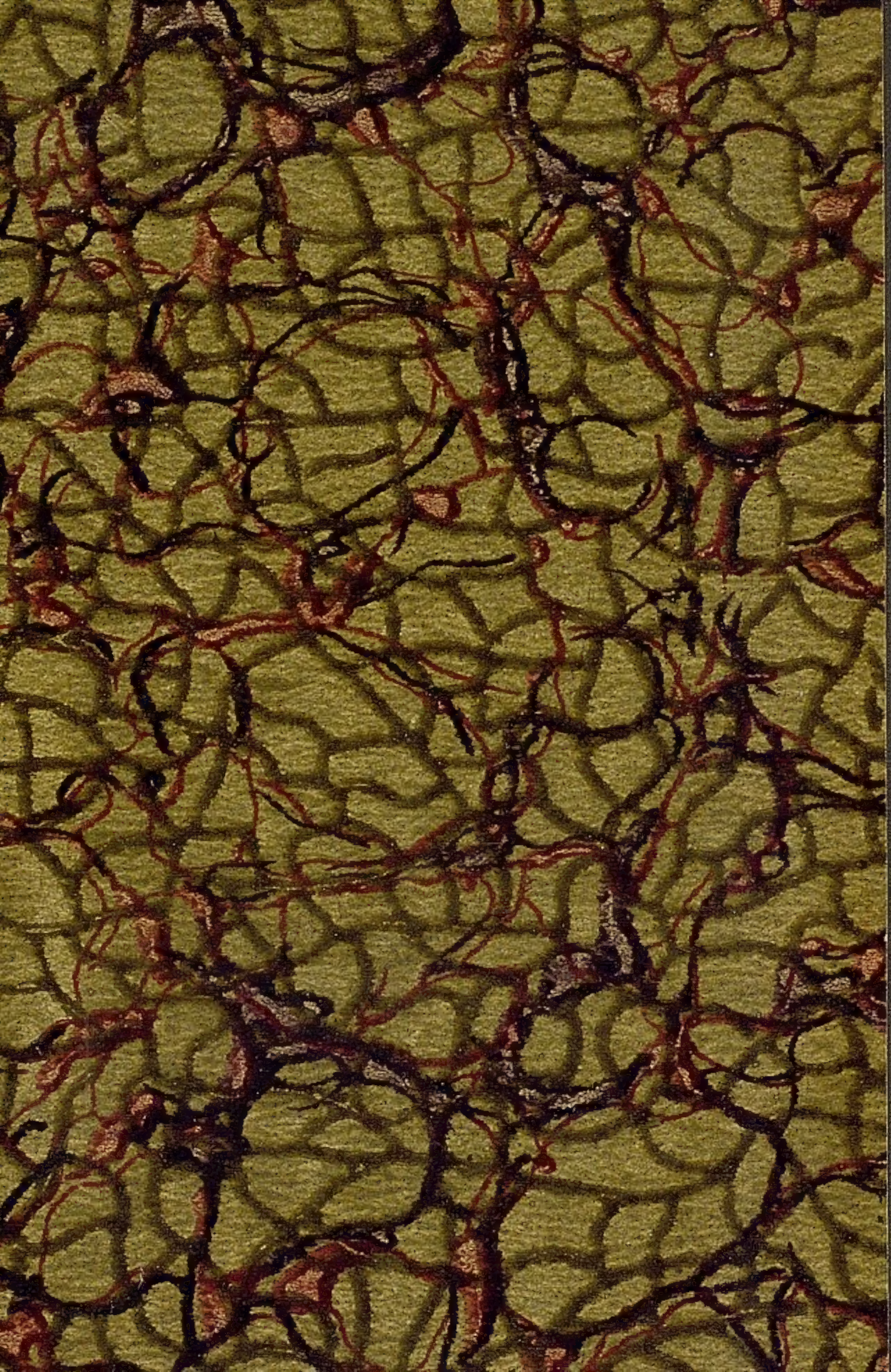
Таково содержаніе крымскихъ шертныхъ грамотъ! Мы изложили, кажется, всё главное ихъ содержаніе и сдѣлали нужныя на нашъ взглядъ выписки, чтобы представить нѣчто въ родѣ общей или сводной грамоты шертной.

Нѣкоторыя статьи шертныхъ грамотъ и записей имѣютъ видъ взаимныхъ обязательствъ, что́ касается, наприм., сдерживанья отъ набѣговъ на русскія границы своевольныхъ татаръ, съ одной стороны, и козаковъ запорожскихъ, донскихъ и татарскихъ на земли крымско-турецкія, съ другой стороны, что́ касается обоюдныхъ обязательствъ не воевать, а держать миръ, беречь пословъ, хранить присягу и

---

[1]) Тамъ же. стр. 142.

[2]) Тамъ же, стр. 171—174.

всѣ условія, на которыхъ обѣ стороны согласились; по мѣстамъ въ шертяхъ и въ записяхъ прямо говорится, что онѣ суть „договоръ“, что обѣ стороны такъ-то и такъ-то „договорились“. При всемъ томъ однако шертныя грамоты не суть въ точномъ смыслѣ договоры, а гораздо больше одностороннія обязательства со стороны Крыма: и починъ, и совершеніе ихъ дѣлались, главнымъ образомъ, съ русской стороны и въ русскихъ видахъ. И пусть, наконецъ скажемъ, шерти на дѣлѣ постоянно были нарушаемы съ татарской стороны; пусть приходилось постоянно возобновлять сдѣлки съ Крымомъ цѣной новыхъ платежей денегъ и всякихъ пожертвованій, въ томъ числѣ иногда унизительныхъ: шерти всё-таки имѣли долю своего значенія для московскаго правительства, давая хотя кратковременное перемиріе съ назойливою Татарской ордой до того времени, когда стало возможно наступленіе на Крымъ, на это гнѣздо разбойниковъ.

М. Бережковъ.